

Мемуары сирот

Рубен Давид Гонсалес Гальего (род. 1968)

В Испании вышла книга под названием «Черное на белом». Ее автор – Рубен Гальего, родившийся в Москве. Он страдает церебральным параличом, так что книгу писал одним пальцем. Рубен Гальего родился в кремлевской клинике в 1968 г., там же из-за болезни он провел с матерью первые полтора года своей жизни. Дед Рубена был руководителем испанской Компартии, который после прихода к власти Франко уехал из страны. О своем деде Рубен не говорит, но признает, что «большая политика разрушила его жизнь».

Когда Рубену исполнилось полтора года, его забрали у матери и сказали ей, что ребенок умер. После этого Гальего побывал в детских домах для инвалидов практически во всем Советском Союзе, где испытал на себе голод, боль и унижение. Все это он и описал в своей книге.

«Я – герой. Быть героем легко. Если у тебя нет рук или ног – ты герой или покойник. Если у тебя нет родителей – надейся на свои руки и ноги. И будь героем. Если у тебя нет ни рук, ни ног, а ты к тому же ухитрился появиться на свет сиротой, – все. Ты обречен быть героем до конца своих дней. Или сдохнуть. Я герой. У меня просто нет другого выхода».

«Я – маленький мальчик. Ночь. Зима. Мне надо в туалет. Звать нянечку бесполезно.

Выход один – ползти в туалет.

Для начала нужно слезть с кровати. Способ есть, я его сам придумал. Просто подползаю к краю кровати и переворачиваюсь на спину, опрокидывая свое тело на пол. Удар. Боль.

Подползаю к двери в коридор, толкаю ее головой и выползаю наружу из относительно теплой комнаты в холод и темноту.

Ночью все окна в коридоре открыты. Холодно, очень холодно. Я – голый.

Ползти далеко. Когда ползу мимо комнаты, где спят нянечки, пытаюсь позвать на помощь, стучу головой в их дверь. Никто не отзывается. Кричу. Никого. Может быть, я тихо кричу.

Пока добираюсь до туалета, замерзаю окончательно.

В туалете окна открыты, на подоконнике снег.

Добираюсь до горшка. Отдыхаю. Мне обязательно надо отдохнуть перед тем, как ползти назад. Пока отдыхаю, моча в горшке обзаводится ледяной кромкой.

Ползу обратно. Стаскиваю зубами одеяло со своей кровати, кое-как заворачиваюсь в него и пытаюсь заснуть.

* * *

Наутро меня оденут, отвезут в школу. На уроке истории я бодро расскажу об ужасах фашистских концлагерей. Получу пятерку. У меня всегда пятерки по истории. У меня пятерки по всем предметам. Я – герой».

«Первое воспоминание. Я один, маленький, лежу в манеже. Кричу. Никто не подходит. Кричу долго. Манеж – обычная детская кровать с высокими решетчатыми бортами. Лежу на спине, мне больно и мокро. Стенки манежа завешены сплошным белым покрывалом. Никого. Перед глазами – белый потолок, если повернуть голову, можно долго смотреть на белое покрывало. Я ору и ору. Взрослые приходят по расписанию. Когда приходят – кричат на меня, кормят, меняют пеленки. Я люблю взрослых, они меня – нет. Пусть кричат, пусть перекалывают на неудобную кушетку. Мне все равно. Хочется, чтобы кто-нибудь пришел. Тогда можно увидеть другие манежи, стол, стулья и окно. Это все. Потом – кладут в манеж. Когда кладут, опять ору. На меня кричат. Они не хотят брать меня на руки, я не хочу в манеж. Сколько себя помню, всегда боялся, когда оставляли одного. Одного оставляли регулярно».

«Когда я был совсем маленьким, я мечтал о маме, мечтал лет до шести. Потом я понял, вернее, мне объяснили, что моя мама – черножопая сука, которая бросила меня. Мне неприятно писать такое, но мне объясняли именно в этих терминах».

«Мне повезло: когда я был совсем маленький, то жил в небольшом детдоме в сельской местности. Кормили хорошо и вкусно, нянечки были добрыми, следили, чтобы все дети покушали, заботились о нас.

Потом были другие детдома, другие нянечки, другая еда. Перловая каша, пряники с червяками, несвежие яйца. Было все. Но я буду писать не об этом.

Я ловлю себя на мысли, что с едой связаны мои лучшие воспоминания. Все самые лучшие моменты моего детства связаны с едой, вернее, с теми людьми, кто ею со мной делился, дарил мне ее как знак своего расположения. Странно мне это».

«Меня привозят в очередной детдом. Я ползу по коридору, навстречу идет нянечка. В коридоре темно, и она не сразу замечает меня. Когда она подходит совсем близко, то вдруг вскрикивает и отскакивает от меня. Потом подходит поближе, нагибается, чтобы получше меня рассмотреть. У меня смуглая кожа, я побрит наголо. С первого взгляда в полумраке коридора можно разглядеть только глаза, большие глаза, висящие в воздухе в пятнадцати сантиметрах над полом. Она уходит. Возвращается через пару минут и кладет на пол передо мной кусок хлеба с салом. Я вижу сало первый раз в жизни, поэтому сначала съедаю сало, затем хлеб. Мне вдруг становится тепло и уютно, и я засыпаю».

«В очередной раз меня перевозят из детдома в детдом. Праздник начинается уже на вокзале, мне дают мороженое и ситро. Мороженое большое и покрыто шоколадом. Как только поезд трогается с места, нянечка и медсестра уходят, как они выражаются, «гулять». «А шо, пошли погуляем». Возвращаются с двумя грузинами. Один грузин старый, седой, другой чуть помоложе. Все пьют водку, им весело. Мне отрезают большой кусок колбасы, дают яйца, ситро. Седой грузин режет и режет колбасу, делает бутерброды и все говорит мне: «Ты ешь, ешь, дети должны хорошо кушать». Еды очень много и ее никто не считает. Темнеет, можно сколько угодно смотреть в окно, есть колбасу. Хочется ехать и ехать, смотреть в окно. Я думаю о том, что если дать всем взрослым на земле много водки и колбасы, они будут добрые и все дети будут счастливы».

Нянечки

«Я здесь уже давно работаю. Когда пришла, посмотрела, а тут детки маленькие, кто без ножек, кто без ручек. И все грязные. Его помоешь, а он по полу поползает – и опять грязный. Кого с ложки кормить надо, кого подмывать каждый час. Уставала очень. В первое ночное дежурство ни на минуту не прилегла. Еще новенького привезли, он всю ночь маму звал. Я к нему на кровать присела, взяла его за руку, так и просидела над ним до утра. И все плакала, плакала. А наутро пошла к батюшке благословения просить, чтобы уволиться. Не могу, говорю, на это смотреть, всех жалко, душа разрывается. А батюшка благословения и не дал. Говорит, что это теперь крест твой до конца дней. Я уж его так просила, так просила. А потом поработала, притерпелась».

«Очередной детдом, очередное переселение. В тот детский дом меня перевезли из клиники, где два года безуспешно пытались поставить на ноги. Лечение было простым. Мои согнутые в коленях ноги загипсовали, затем периодически разрезали гипс в нужных местах, давили на суставы и фиксировали ноги в новом положении. Через полтора года ноги стали прямыми. Меня попытались поставить на костыли, поняли, что это бесполезно, и выписали. В процессе лечения ноги постоянно болели, я плохо соображал. По закону каждый школьник Советского Союза имел право на образование; те, кто мог, посещали школьные классы при клинике, к остальным учитель приходил прямо в палату. Ко мне тоже пару раз приходила учительница, но, убедившись в моей непроходимой тупости, оставила меня в покое. Учителя жалели бедное дитё и ставили мне по всем предметам оценку «посредственно». Так я и переходил из класса в класс».

«В клинику меня взяли из второго класса, из клиники выписали в четвертый. Все нормально, все по закону. Принесли в класс, положили на пол.

Пришла нянечка. Посмотрела на меня.

– Я ж его только что носила, опять носить? Я вам не лошадь, у меня тоже права есть. Тоже мне, грамотные. Они не разобрались, а мне надрываться? Я, может быть, если бы не война, тоже учительницей стала».

«В очередной раз классный руководитель проводит с нами политзанятия. Нам рассказывают об ужасах западного образа жизни. Мы уже привыкли и ничему не удивляемся. Я абсолютно уверен, что большинство людей в Америке живут на улицах в картонных коробках, что все американцы поголовно строят бомбоубежища, что в стране очередной кризис».

«Примерно с пяти лет мне говорили, что я очень тяжелый, потому что много ем. «Все жрёт и жрёт, а нам носи. Совесть совсем потерял. Нарожали негры, теперь таскай его всю жизнь. Нам-то что мы, русские бабы-дуры, добрые, вот и терпим от них, заботимся. А родители их умные, уехали в свою Африку». И так изо дня в день, бесконечно, я слушал про их доброту и жалость и про моих чернокожих родителей. Немного смешно, но текст этот мне приходилось слышать во всех учреждениях Советского Союза, в детдомах, больницах, доме престарелых. Словно читали его по неведомой таинственной шпаргалке, как школьный урок, как заклинание».

«В тот день у меня заболел живот, и я не успел доползти до туалета. Нянечка отнесла меня в туалет, положила на пол и стала воспитывать. Она орала на меня, говорила, какой я плохой, повторяла про «черножопую суку», про то, как они все обо мне заботятся, какой я неблагодарный. Я молчал. Говорить что-нибудь было бесполезно. Подобная история повторялась не в первый раз. Плакать и просить о снисхождении было бессмысленно, все слова разбивались о единственный довод – мои испачканные штаны. Она орала все сильнее и сильнее, наклонялась ко мне, трясла обвислыми щеками, брызгала слюной. Я молчал. Что я мог сказать? Она действительно была права. Я был слишком толстый и все время думал только о еде. К своим одиннадцати годам я весил уже почти семнадцать килограммов. Я не мог оправдываться. Я и сам ненавидел себя за слабость. Два дня назад я съел котлету. Я не хотел ее есть, действительно не хотел. Я думал, что только понюхаю, потом откусил кусочек. Так и не заметил, как съел всю.

Я молчал. Тогда она сжала мою голову жирными пальцами и стала тыкать меня в грязные штаны.

– Молчит и молчит. Хоть бы слово сказал. Проси прощения, обещаю, что больше так не будешь. Говори хоть что-нибудь.

Она тыкала меня носом в говно и повторяла уже тихо: «Говори, говори, говори». Что я мог сказать? Я прекрасно понимал, что все, что от меня нужно, это не какие-либо слова – все слова я уже перепробовал. Нянечка хочет, действительно хочет только одного: чтобы я научился сам ходить в туалет. Пообещать этого я не мог, поэтому и молчал».

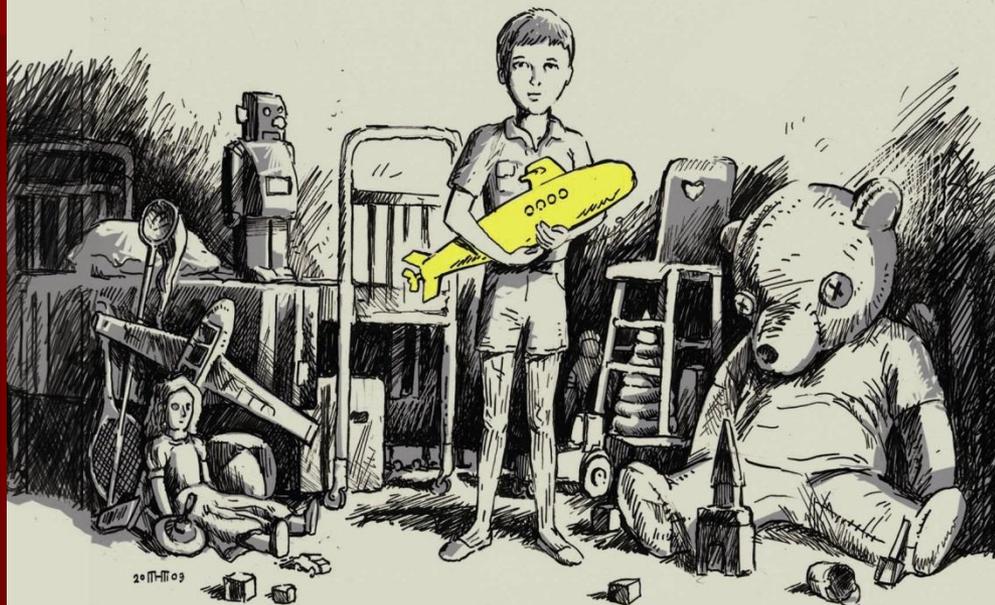
«Это был плохой детдом, очень плохой. Плохая еда, плохие взрослые. Все плохо. Детдома, как и тюрьмы, бывают разные. Этот был особенно плох. Тяжелее всего было переносить холод, детдом не отапливался. Зимой было особенно трудно. В авторучках замерзали чернила. Холодно в классах, холодно в спальнях, везде холодно, куда бы я ни заползал. В других детдомах холодно было только в коридоре, в этом – везде, в других детдомах даже в коридоре можно было подползти к батарее отопления, в этом – батареи были бесполезными кусками холодного металла. Плохой детдом, очень плохой».

Гезалов Александр Самедович

Личность Александра Гезалова уникальна тем, что он не только смог выжить, пройдя бесчеловечную систему воспитания советского детского дома (из 13-ти выпускников его года на настоящий момент в живых остался он один), но и состояться как видный общественный деятель. Его опыт неocenim для выпускников детских домов, покидающих порог сиротских заведений в наше время. Его автобиографическое эссе «Солёное детство» стоит в одном ряду с романом Рубена Гальего «Белое на чёрном». Деятельность Александра Гезалова широко освещена в прессе и отмечена патриаршей и президентской наградами, он является постоянным участником теле и радио-программ. О нём снято три фильма, один из которых — «Онежская быль» — стал лауреатом международного конкурса «Радонеж» и неоднократно транслировался по всероссийским телевизионным каналам.

Книга, изменившая тысячи жизней

Александр Гезалов

СОЛЁНОЕ ДЕТСТВО

**или как попасть
на Жёлтую подводную лодку**

«Фраза "все мы родом из детства" и про меня и не про меня. Не было у меня детства, того, что бывает у всех. Сладкого, веселого, беззаботного, с Мамой и Папой».

«Кажется, что помню себя совсем маленьким, как ни странно, — только что родившимся, понимающим, что меня оставляют в роддоме».

«Уже потом, выпуска-ясь из детского дома, ковыряясь в "отпускных документах, я встретил мятые строки корявой записки: "Отказываюсь от сына, потому что не могу..." Жалею, что бросил на ветер этот желтый бумажный листок, как когда-то был брошен сам. Видимо, гены — все бросать... Наверное, я тогда пожалел мать... Но по незнанию я много чего выкинул в жизни. Теперь на руках лишь одна ламинированная справка: жил в детском доме, печать. И ничего более...

Печать на всю жизнь».

«Наказания у нас были разнообразные. Иногда ставили на колени на пшено или другую крупу. Не раз и мне доводилось, как, впрочем, и всем. В "саду" жили два попугая, у них-то и заимствовали "продукты" для этих целей.

С тех пор попугаев не завожу.

"Няня" повадилась ходить ночью в кочегарку к кочегару. А в качестве профилактики нашей бессонницы вместо лекарства для крепкого сна она использовала игровую резиновую лопату. Мы покорно откидывали одеяла, а головы прятали под подушки — шла "дубаска". Лопата была такая жесткая — тогда не делали мягких, жаль... Проведя профилактическую работу, "няня", довольная, уходила на всю ночь. А за окном темень, ветер, деревья скребутся лапами-ветками в окна... Страшно. А позвать некого. Так было всегда — некого было звать и потом. Надеяться только на себя мы приучались в самом младенчестве. Вы скажете — и хорошо. Но тогда зачем вокруг нас столько персонала? И чем они занимаются?..

В 75-м в нашем "саду-огороде" состоялся выпуск. До сих пор помню запах одинаковой одежды, которую нам выдали. Ранцы, пеналы, линейки и прочее — все было один в один. Мы заглядывали друг к другу в пеналы, искали что-то не похожее, отличное — "красивое", и не находили.

Потом я понял, что частная собственность в детском доме будет отсутствовать всегда. Все общее — значит, не твое. Это со временем приносит страшный вред в имущественных отношениях — не жалеть ничего, отдавать все, безграмотное широкодушие (в кавычках, конечно же)».

«Все вокруг нас было крайне убогим. Может, время было такое? Старая мебель, старая одежда, старые, громоздкие игрушки... Помню грузовик, железный — ну очень большой... Мы никогда не играли в войну, дочки-матери. Мы получали каждый какую-то свою игрушку и тупо сидели возле нее. Потом обменивались. Мы никогда не дрались — нечего делить, все улажено-налажено. Правда, как-то раз кто-то ударил меня машиной, той самой, железной, я ударил в ответ деревянным конем. Потом долго стояли "в пшене", прорастали. Кормили одним и тем же: суп, макароны с картошкой, кисель с белым хлебом. Съедали все до крошки. "Воспы" грозились, что если кто недоест — "чебурашку" не увидит. Этот метод кнута и пряника в дальнейшем применялся часто. Приходилось подчиняться. А куда денешься с подводной лодки? Иногда даже и сейчас ловлю себя на том, что ем, как собака у будки: глотаю быстро, давлюсь кусками. Не умею есть. Зато я всеяден, что в наше время, в общем-то, приветствуется. Каша? Давай кашу. Компот? Согласен и на компот... Без разницы. Так легко потом детдомовцам на "зоне" — все равно, чем живот набить. Нас словно и готовят для такой жизни. И еще мы должны быть признательны за "образование"...

«Мы всегда запасались хлебом: сушили куски на батареях, а ночью грызли, как хомяки. Особым шиком считалось — приготовить жареный хлеб. Для этого надо прижать кусок раскаленным утюгом — голь на выдумки хитра».

Конечно, было чем поживиться крысам: все батареи, все углы в палатах были забиты сухим хлебом. Уборщиц не было, мы убирали весь детский дом сами. А "хлебосушка" функционировала всегда, вплоть до ПТУ, да и в ПТУ тоже.

Верите, чего-то светлого в "саду" не помню. Может, и было что, но забылось. Один день был похож на другой. Подъем, обтирание сырой варежкой перед открытым окном, прыжки на холодном полу... Нет, был как-то случай. Одна повариха стала брать меня домой — вместе с продуктами. Может, из жалости. Как-то раз я съел у нее все конфеты в буфете. Было смешно, что она, взрослая тетя, говорила со мной, как с новорожденным. Видно, у нее не было детей, хотелось "посюсюкать", а я — в буфет и конфетам — привет... В общем, развеял ее мечты по поводу материнства. Она отматерила меня и вернула в детский дом. Мне же было все равно, я наелся конфет надолго, еще и товарищам принес... Больше она меня домой к себе не брала».

«Директора сняли с работы — что-то он там с девочками вытворял. Вызывал их поочередно убирать свой дом, закрывался с ними и "помогал". По-моему, его даже посадили, с конфискацией. Все ходили радостные, как после революции, полная вакханалия в детдоме была: нет "дира" — все до пира, учебе — привет. Но когда нам "дали" другого директора, старого все стали вспоминать как "хорошего". Дети-сироты — это такое дело... Продадут, если надо. И не их это вина, жизнь учит искать выгоду в любых ситуациях...»

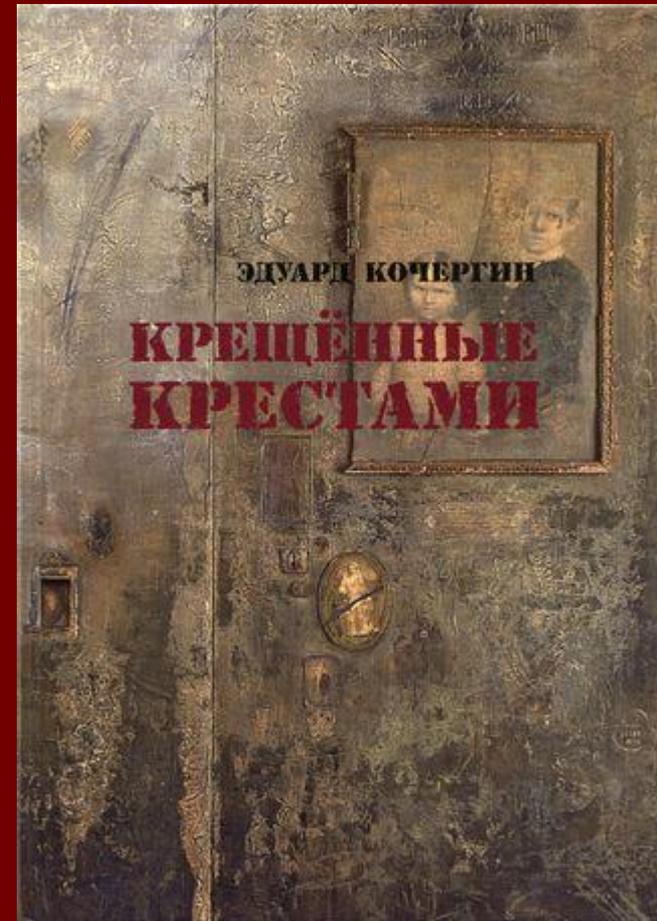
«Редко когда ночью в детском доме не совершались всякие экзекуции. Я всегда ждал ночь со страхом. На день нам всегда давалось задание: достать по 20 копеек (тогда приличная сумма) для старших. Воровали все. Если не принес оговоренную сумму, ночью тебя судили. Всегда были судья, адвокат, прокурор — из старших, палач из средних — так их "замазывали" для "взросления", каждый раз на роль палача выбирали другого среднего... Потом, когда средние становились старшими, они уже не могли наладить отношения с новыми средними. Кто простит жестокость? А младшие, переходя в разряд средних, мстили за свои унижения ни в чем не повинным новым младшим».

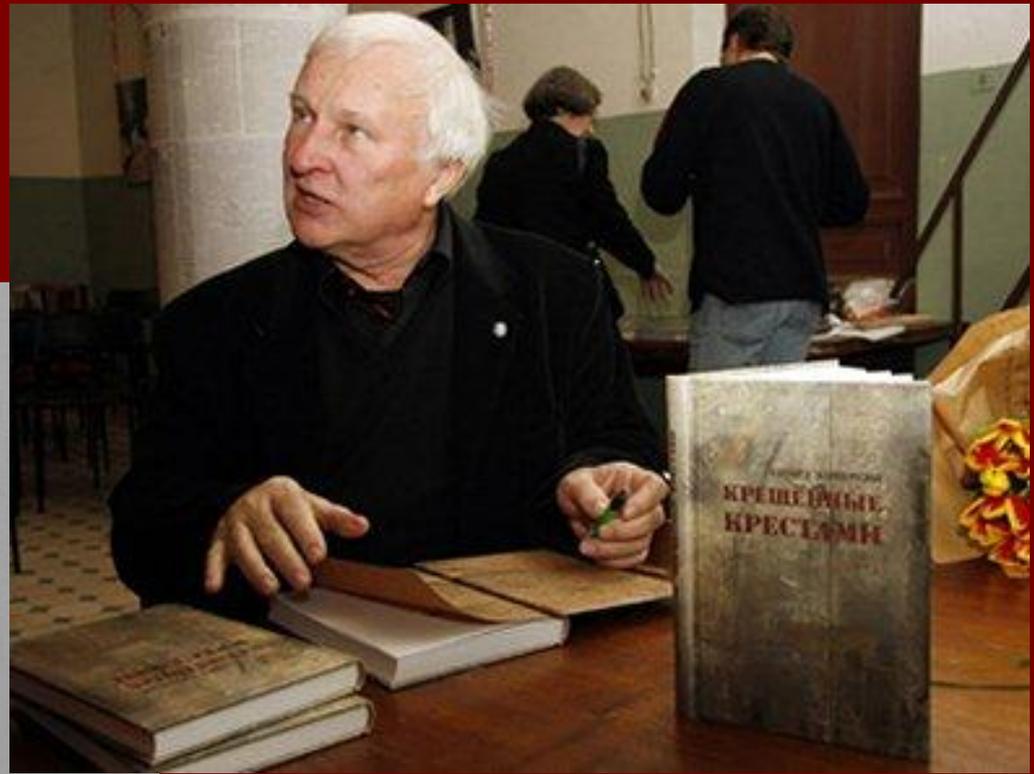
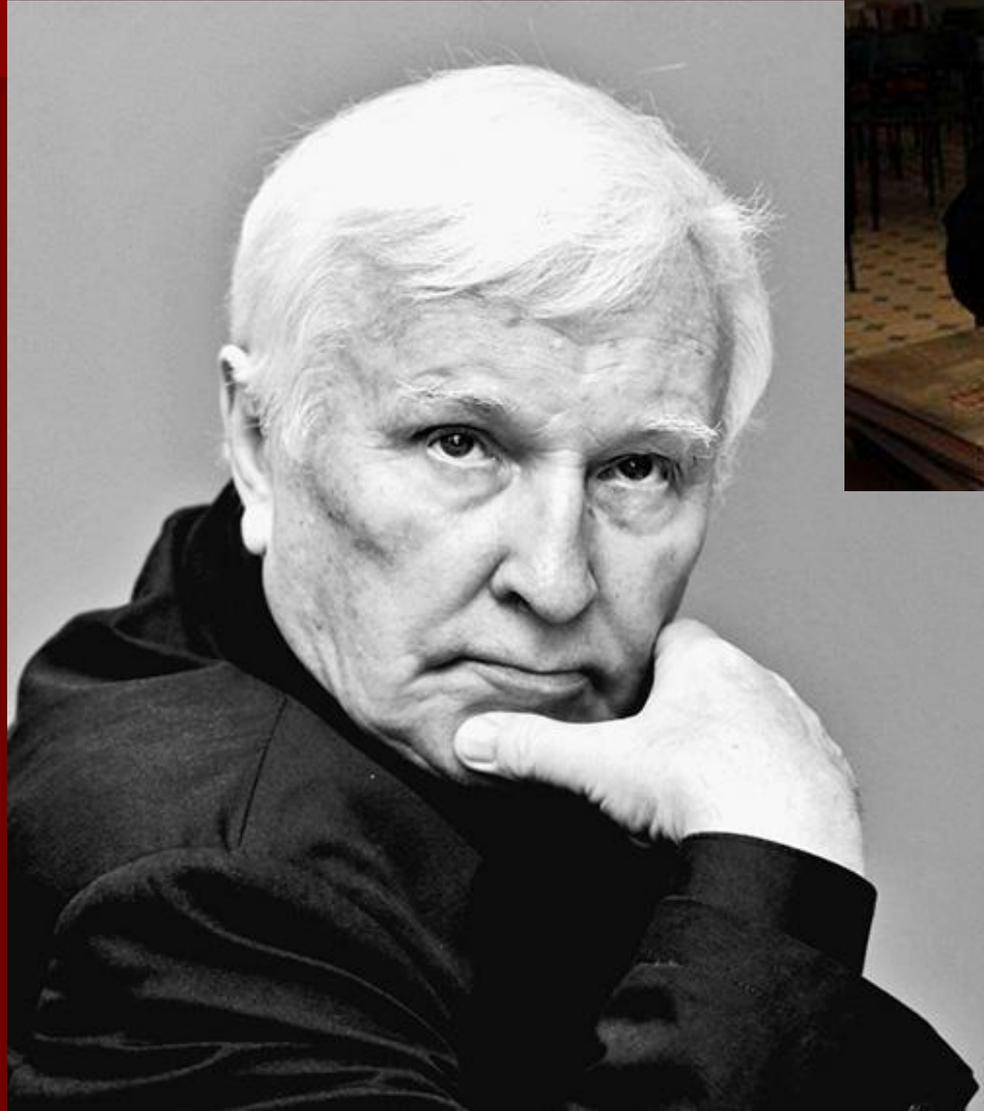
«Как проходил "суд". Все рассаживались по своим местам, и начинался "процесс". Старшие играли в "судебную систему", а мы ждали приговор. Нам, как в настоящем суде, предоставлялось последнее слово, во время которого мы клятвенно обещали принести деньги. Нам отвечали: когда принесете, тогда и простим... Вы спросите, откуда такие познания у детдомовцев? Нас часто навещали бывшие воспитанники, отсидевшие. свое, они и делились опытом».

- «3 декабря, в мой день рождения, меня выгнали ночью на улицу — отправили искать 15 копеек. Я не знал, где мне достать эти несчастные копейки, и поэтому сел в сугроб недалеко от детского дома, решил — замерзну к чертовой матери!
Домой с работы шла соседка. Она увидела меня и стала расспрашивать, что это я сижу ночью на снегу, — она знала, кто я и откуда. Я честно рассказал ей, что у меня день рождения, "подарка" для старших нет. Она дала мне 20 копеек и довела до детского дома. Ух, как я радовался, что избежал экзекуции на этот раз. Утром женщина пришла в детский дом и рассказала директору о ночной встрече. Директор вызвала меня к себе, закрыла кабинет изнутри и избивала меня каблуком. Потом собрали "совет" старших, на котором меня лишили телевизора на месяц. А ночью еще хорошенько отдубасили.
- Пару раз меня приговаривали за побеги к повешению. Вешали почти "взаправду", но что-то все мешало довести дело до конца.
- У всех на руках были личные номера, как в концлагере. Мой номер — 61. Я и сейчас вздрагиваю, когда слышу эту цифру... Мы все носили одинаковые вельветовые куртки сороковых годов и клетчатые пальто. Когда нужно было постирать одежду, с нас ее просто снимали, а переодеться не во что — ходи в чем придется. Слово "свитер" я узнал после 25 лет, а ведь на улице порой было 30 градусов ниже жизни...
- Уже сколько времени мучительно думаю: отправлять ли "Соленое детство" матери? Не знаю...»

Эдуард Кочергин

- Книга — главного художника Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова — основана на воспоминаниях о тяжёлых послевоенных временах, когда он бежал из омского детприёмника для детей «врагов народа» на родину в Ленинград, — о беге, длившемся более шести лет, со всеми перипетиями и скитаниями по «эсэсэрии» с её тогдашними казёнными домами, детприёмниками НКВД и колониями.
- В 2010 году книга получила одну из престижнейших литературных премий — «Национальный бестселлер».

- «Родился я с испугу: отца Степана арестовали за кибернетику, и мать выкинула меня на два месяца раньше.
- «Не могу вспомнить, каким образом перед самой войной оказался я в детприёмнике. Сдал туда меня крёстный дяденька Янек. А может, у него меня отобрали. Ещё не помню, как началась война».
- «В лютые времена, когда из-за двух усатых вождей в европейской России смертоубийственно дрались миллионы взрослых людей, в нашем сибирском далеке всё было покойно. Наше житие в образцовом детприёмнике энкавэдэшного ведомства, спрятанном в посёлке Чернолучи на берегу Иртыша в далёкой Сибири, не представляло ничего особенного. Жили мы проживали в казённом доме, как говорили в народе, зато в тепле и под крышей крепкого четырёхэтажного кирпичного здания — правда, бывшей пересылочной тюрьмы, ставшей тесной для взрослого люда и отданной под детприёмник. В народе заведение стало обзываться «детскими крестами». На дверях палат виднелись ещё следы кормушек, а с некоторых окон не сняли тюремные решётки. Но нам они не мешали, даже наоборот, между рамой и решёткой мы умудрялись кое-что сныкать. Наш режим был строжайшим, почти тюремным: побудка, зарядка, мытьё рож, завтрак, учение или работа, обед, сон, промывка мозгов, ужин, сортирный час, снова сон — как и предписано последним пенсненосцем Советского Союза маршалом НКВД Лаврентием Павловичем Берией. Но зато спали мы на собственных кроватях с простынями и по красным праздникам и в день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина — 21 декабря каждого года — на завтрак обязательно получали по куску хлеба, намазанного сливочным маслом».

«От нормальных детских наши дэпэшные игры и развлечения сильно отличались. Мы ничего не имели, и любая фигня, которую случилось найти во дворе или на улице при походах в баню или ещё куда, становилась большой ценностью. Подбирали всё: пуговицы, случайные куски проволоки, кривые старые гвозди, шайбы, гайки, болты, трубки, катушки, выброшенные лезвия безопасных бритв, куски картона и бумаги. Собирали всё, что можно, на всякий случай. Собранное прятали в тайниках на дворе и в палатах. Затем из этих случайных штук соображали свою «мечту» и такими самоделками играли. Например, любимую маялку (кусочек козьей шкуры, зажатый между двумя свинцовыми или медными дисками так, чтобы мех торчал по краям. Диаметр маялки 5–6 см. Играли в маялку, подбрасывая её ногой на счёт.) старшаки изготавливали из козьего меха и свинца, добытого из выброшенных аккумуляторов. Играли в неё только пацаны, и то тайно — между поленницами дров во дворе, выставляя нас, козяв, на атасе. Играли на жратву — завтраки или ужины».

«Еда была главной темой нашей жизни. Основные мечты дэпэшников вращались вокруг пищи, особенно зимой и весной. В это время, по словам нашей хромоножки, мы могли сожрать всё, что не прибито. Летом подкармливались на прополках с опасностью схватить кишечную палочку и попасть в руки Кромешной Капы.

Человечку, жаждущему съесть чего-нибудь вкусненькое и мечтавшему об этом вслух, козявы язвительно говорили: «Тебе, малый, может, подать какаву со сливкой да булочку с марципанами?» Что такое какава — никто не знал, булочку с марципанами мы и представить себе не могли. Откуда возникла такая фантазия, да ещё в то голодное время — неизвестно. Вероятно, кто-то из взрослых высказал вслух свою мечту, а она у нас превратилась в дразнилку.

С марципанами я познакомился спустя пятьдесят лет и то в Париже. Ничего особенного».

Константин, газета «Новости Оскола»

Исповедь воспитанника детдома

«Я никогда не стал бы жаловаться – жизнь отучила. Я не стал бы ворошить прошлое – ужасно вспоминать детство, которого не было. Если бы... если бы депутаты не затронули детей, сирот-инвалидов.

Я попал в детский дом (в Валуйском районе) в восьмилетнем возрасте, после того, как потерял родителей. Это были советские времена, утверждалось, что мы в СССР живём лучше всех, что слабые, больные, беззащитные — окружены государственной заботой. Однако сироты и тогда для большинства людей были изгоями, людьми второго сорта. Условия в нашем детском доме были не из лучших, а точнее сказать, жили мы там, как в тюрьме».

Карцер, голод и аминазин

«Наказывали нас жестоко. Чаще всего лишали еды. За малую провинность, даже за 10-ти минутное опоздание в столовую, могли не просто лишиться обеда, но «закрыть вход в столовую» на весь день — ни обеда, ни полдника, ни ужина тебе не видать. Голодные дети начинали воровать. Хорошо, если рядом был заброшенный сад, где природа-мать кормила яблоками, грушами, сливами. Попытки же найти себе еду в охраняемом саду, расценивались, как воровство. Воровали и с продуктовых складов. Я не оправдываю воровство, но мы таскали еду просто для того, чтобы выжить. Однако руководство так не считало. Если о преступлении становилось известно, то виновника закрывали в одиночный «карцер», где держать могли больше суток.

Часто ставили в угол. В классе на уроке — на 30-40 минут «по стойке смирно». В детдоме могли поставить в угол на горох или на соль на колени, и так приходилось стоять часами. Бывало, что ставили на соль на всю ночь. Были и порки. Привязанного либо к кровати, либо к столбу ребёнка били плетью. Но такое наказание применялось редко. Иногда пристёгивали на ночь к батареям. А еще практиковали уколы — «для успокоения». Кололи аминазин и димедрол. Если у ребёнка был энурез, его лишали чая, компота и других напитков кроме кефира, примерно с часов 16-17, а на ужин давали хлеб с солью. Обнаружив мокрую постель, его, отчитывая, тыкали лицом в мочу. Потом его заставляли эту постель стирать вручную: никаких стиральных машин не было.

Казалось, что может быть плохого в утренней зарядке? Но и ее в зимнее время превращали в издевательство — поднимали в 6 утра, и в одних трусах выгоняли на улицу на мороз минут на 30 — 40, как решит воспитатель.

Однажды одна из «воспитательниц», которую мы, дети, между собой называли «шапокляк», оскорбила мою покойную маму и пожелала мне отправиться вслед за ней. За эти слова я врезал ей в лицо, и она упекла меня в «карцер» на двое суток, плюс мне вкололи три кубика аминазина».

Бывает хуже

«Как правило, детей никто не лечил, а от тех, кто был (или стал) калекой, имел врожденную болезнь, или тяжело заболел в детдоме, старались избавляться. Их отправляли в дома инвалидов, где они нередко встречали свою смерть. Я попал в один из таких домов и провел там около двух лет. Один мальчик, без руки, сказал мне: «это теперь твой дом до смерти». Там условия были просто нечеловеческие. И если в детских домах у учителей были свои любимчики, то в домах инвалидов наплевательски относились ко всем. Хуже всего было девочкам: их санитары время от времени насиловали. Я миллион раз говорил: «Как хорошо, что мама меня родила мальчиком, и как плохо, что я вообще родился».

Выжить любой ценой

«Большинство людей презирало сирот, а тем более, инвалидов. К нам относились как к изгоям. «Сердобольным» мы уже не верили, потому что в итоге они поступали как все. Мы постоянно слышали в свой адрес: «нахлебники, обуза государства, неблагодарные, бездельники» и тому подобное. И от этих упреков, от тяжелых условий, от безысходности, у многих из нас не раз возникали мысли даже о самоубийстве. Однако мы понимали и четко осознавали: самоубийство — наше поражение в этой неравной войне. И для каждого из нас было очень важно выжить — любой ценой.

Самое большое, что мы могли сделать — это сбежать. За побеги наказывали очень сурово. Чтобы не допустить побеги, пугали: рассказывали про дикого снежного человека, который прячется в наших лесах, про ужасных полу-людей в Мантурово, которые охотятся по ночам. Но ни страх перед наказанием, ни рассказы не останавливали.

Я тоже сбегал. Обычно беглецов находили максимум через одну-две недели после побега. Но один раз мне удалось прожить на воле больше двух месяцев. Одна из учительниц время от времени водила нас на экскурсии и в походы в лес. Во время прогулок она рассказывала, как отличать съедобные ягоды от ядовитых, дикий чеснок от простой травы и многое другое. Знания, полученные от нее, помогали выживать в лесу».

После ада

«После выхода из детского дома жизнь становилась не намного легче. Это теперь детдомовцам государство даёт квартиры. Мы же могли рассчитывать в лучшем случае на место в общежитии. На квартиры же приходилось зарабатывать самим. Элементарным бытовым навыкам - стирать, шить, готовить, убирать – нас учили. Но во многих вопросах мы были не сведущи. Поэтому бывшие детдомовцы не раз попадались мошенникам и теряли даже то жильё, что у них было».

Это было давно?

«Конечно, могут сказать: «Это было тогда, а сейчас всё изменилось». Но в целом отношение к сиротам осталось прежним - презрительным, как к надоедливому «нахлебнику». И если уж правительство не в состоянии позаботиться о благосостоянии «полноценных» семей, тем более, кто станет заботиться о сиротах?

Это ужасно, что принят закон «Димы Яковлева», и если до этого закона хоть какая-то надежда была для сирот, то теперь никакой надежды нет.

P.S. Я мог бы и не попасть в детдом, или вырваться оттуда раньше, но видимо кто-то посчитал, что сиротам лучше на попечении государства. У меня оставалась бабушка, но ей оформить опеку надо мной не дали: возраст, болезни, жилплощадь маленькая... Мне разрешали изредка видеться с ней на каникулах. Одна из моих классных руководительниц хотела меня усыновить, я не раз бывал у нее в гостях, но... Ей тоже отказали – «по этическим соображениям».